

П.П. ЧЕРКАСОВ

ПОСОЛЬСТВО ГЕРЦОГА ДЕ МОНТЕБЕЛЛО В РОССИИ (1858–1864 годы)

С окончанием в 1856 г. Крымской войны император французов Наполеон III взял курс на сближение с Россией, рассчитывая на ее содействие в осуществлении своих амбициозных внешнеполитических планов. Эти планы предполагали превращение Франции в ведущую континентальную державу и округление французских границ по Рейну и на севере Италии.

По понятным причинам подобные намерения, которые Наполеон III не считал нужным скрывать, не могли быть одобрены другими главными участниками “европейского концерта” – Англией, Пруссией и Австрией. Другое дело – Россия. После унижительного поражения в Крымской войне ее международный престиж заметно пошатнулся. Наполеон понимал, что молодой царь Александр II нуждается в союзнике, с помощью которого можно будет попытаться восстановить утраченное Россией влияние и добиться пересмотра дискриминационных условий Парижского мирного договора, в частности главного из них – ограничения суверенитета России на “нейтрализованном” Черном море, где ей запрещалось иметь военно-морские арсеналы.

Франция оказалась единственной державой-победительницей, конфиденциально давшей понять России, что может оказать ей содействие в пересмотре Парижского мира в обмен на поддержку своих планов в Европе. В Петербурге должным образом оценили эту инициативу и взяли курс на сближение с Парижем.

Основы неожиданного для многих в Европе франко-русского “согласия” заложил первый после восстановления двусторонних дипломатических отношений посол Франции в России граф Огюст де Морни, сводный брат императора Наполеона III¹. Уже само назначение в Петербург столь представительного посла свидетельствовало о той роли, которую Наполеон отводил политическим отношениям с Александром II.

Царь не остался в долгу. Осенью 1856 г. он направил послом в Париж одного из самых авторитетных сановников, министра государственных имуществ, графа Павла Дмитриевича Киселева. В личном письме Наполеону Александр писал о Киселеве: “Он был одним из самых близких друзей моего отца, и уже давно является и моим другом”². Эти слова означали, что в Париж царь направляет не обычного дипломата, а человека, пользующегося его особым доверием.

Менее чем за один год посольской миссии Морни удалось создать самый благоприятный климат в отношениях вчерашних врагов – Франции и России – и даже заключить двусторонний договор о торговле и навигации³.

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ См.: *Morny, Duc de*. Extrait des Mémoires. Une Ambassade en Russie, 1856. Paris, 1892; *Черкасов П.П.* Граф де Морни – посол Наполеона III в России (1856–1857 годы). – Новая и новейшая история, 2011, № 5.

² Из депеши графа де Морни министру иностранных дел Франции графу Валуевскому от 8 августа 1856 г. – Archives des Affaires Étrangères (далее – ААЕ), Correspondance politique, Russie, 1856, v. 212, fol. 77–85 verso. См. также: *Morny, Duc de*. Op. cit. p. 63–80.

³ См. *Черкасов П.П.* Русско-французский торговый договор 1857 года. – Россия и Франция XVIII–XX века, вып. 10. М., 2011.

С отъездом графа де Морни из Петербурга в июне 1857 г.⁴ встал вопрос о назначении нового посла Франции. Вопрос оказался не из легких. Наполеон желал сохранить тот дух доверия между ним и императором Александром, который в значительной степени возник благодаря стараниям его сводного брата, искренне убежденного в преимуществах для Франции союза с Россией. А это требовало тщательного подбора кандидатуры в преемники Морни. Новый посол должен был отвечать по крайней мере двум основным требованиям – понимать всю важность сближения с Россией для осуществления широких замыслов императора французов и занимать видное положение на иерархической лестнице Второй империи.

* * *

Пока шли поиски подходящей кандидатуры, интересы Франции в Петербурге представлял временный поверенный в делах Шарль Боден. В свое время он был там тепло встречен, и до приезда Морни не возникало никаких проблем в его взаимоотношениях с министром иностранных дел князем Александром Михайловичем Горчаковым. Однако впоследствии, когда Морни, задавший высокий уровень доверительных отношений с петербургским двором, покинул Россию, Боден перестал устраивать Горчакова. К тому же у министра возникли сомнения относительно приверженности французского дипломата идее франко-русского союза. “Господин Боден не внушает нам доверия, – писал Горчаков в Париж графу Киселеву 25 октября (с.с.) 1857 г., – ... его присутствие здесь во главе дипломатической миссии не соответствует характеру наших близких отношений с Францией”, – подчеркивал министр.

Развивая свою мысль, он продолжал: “Я признаю за господином Боденом его заслуги, желаю ему всех возможных благ и менее всего хотел бы повредить его карьере, но я давно заметил, что наши нынешние отношения с Францией ему явно не по вкусу. Уже по этой причине я не могу не испытывать беспокойства относительно того, что именно ему на протяжении столь долгого времени доверено вести с нами дела в С.-Петербурге”⁵. Горчаков поручил Киселеву дать понять министру иностранных дел Франции графу Александру Валуевскому: в Петербурге обеспокоены тем, что вопрос с назначением французского посла затягивается⁶.

Результатом демарша, предпринятого Киселевым по указанию министра, явилась замена французского поверенного в делах в Петербурге. Вместо Бодена, переведенного с повышением в Гессен, в Россию в декабре 1857 г. прибыл маркиз де Шаторенар. Его миссия также носила временный характер. Он должен был представлять интересы Франции до приезда нового посла, с назначением которого по-прежнему не все было ясно.

Еще в августе 1857 г. Горчаков был уведомлен В.П. Балабиным, временным поверенным в Париже, что Наполеон III намерен отправить в Петербург графа де Райневаля, занимавшего пост посла Франции при Святом Престоле. В царствование императора Николая I Райневаль уже служил во французском посольстве в Петербурге в ранге советника. Балабин сообщал, что вернувшийся из России граф де Морни в беседе с ним дал самую высокую оценку графу де Райневалю, считая его лучшим из своих возможных преемников в Петербурге⁷.

Валуевский сделал запрос Горчакову относительно приемлемости кандидатуры Райневаля и по телеграфу получил утвердительный ответ. В телеграмме говорилось: “Император с большим удовлетворением примет графа де Райневаля в качестве посла”⁸.

⁴ Граф де Морни вернулся в Париж на пост председателя Законодательного корпуса, который он занимал до своей посольской миссии в Петербурге.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133, оп. 469, 1857 г., д. 146, л. 390об. – 391.

⁶ Там же, л. 391.

⁷ Там же, д. 144, л. 79–80. Балабин – Горчакову, 19 августа 1857 г.

⁸ Там же, д. 146, л. 90. Горчаков – Балабину по телеграфу, 5 августа (с.с.) 1857 г.

16 августа в “Монитёр” появилось извещение о назначении графа чрезвычайным и полномочным послом в Россию. Казалось бы, вопрос был решен. Но в последний момент Райневаль раздумал ехать в Петербург. Обычно в таких случаях дипломаты ссылались на нездоровье – свое или супруги, а тут не последовало никаких объяснений. Возникла неловкость, потом недоумение.

Начались поиски другой кандидатуры, и продолжались они более трех месяцев. Все это время в Петербурге проявляли растущее беспокойство по поводу этой явно затянувшейся истории. Назначенный в Париж послом граф Киселев не спешил отправляться к месту службы, выжидая решения императора Наполеона. Наконец, по настоятельному совету Горчакова в самом начале октября он выехал туда, так и не дождавшись назначения своего коллеги.

Киселев уже несколько месяцев исполнял свои посольские обязанности, а в Тюильри все еще занимались поисками кандидатуры на роль посла в России. Маршал Канробер, Бараге д’Иллер, Бидо, Друэн де Люис, маркиз де Мустье – таков был неполный список сановников империи, рассмотренный Наполеоном III. Но никто из них по разным причинам не устраивал императора – не годился для того, чтобы занять “самый важный для французской дипломатии пост”⁹.

В конце концов Наполеон остановил свой выбор на кандидатуре герцога де Монтебелло, ветерана французской дипломатической службы, отмеченного всеми степенями ордена Почетного легиона, включая Большой крест¹⁰.

“Человек, имеющий за спиной продолжительную карьеру, принадлежащий к высшему свету, придерживающийся умеренных взглядов, герцог де Монтебелло, как я надеюсь, – писал Киселев Горчакову 24 февраля 1858 г., – в полной мере оправдает доверие своего августейшего государя, как и тот благожелательный прием, который ему будет оказан у нас. Надеюсь также, что и его личные качества произведут самое благоприятное впечатление на Вас”¹¹. При личном знакомстве герцог проинформировал русского посла, что не сможет отправиться в Россию ранее апреля, пока не устроит свои домашние дела.

Так кого же император французов решил назначить своим послом при дворе Александра II?

* * *

Луи Наполеон Огюст Ланн, герцог де Монтебелло родился 30 июля 1801 г. в Париже. Он был старшим сыном знаменитого маршала Ланна, смертельно раненного в сражении с австрийской армией под Эслингом 22 мая 1809 г. Сам Наполеон Бонапарт, уже находясь на острове Святой Елены, признавал, что ставил Ланна выше всех своих маршалов. За разгром австрийцев при Монтебелло в 1800 г., когда Ланн командовал авангардом Итальянской армии Наполеона, этот сын конюха получил с провозглашением империи в 1804 г. не только маршальский жезл, но и титул, став первым герцогом де Монтебелло.

Формирование политических взглядов его старшего сына, будущего министра и посла в России, пришлось на время Реставрации. Благоклонное отношение Бурбонов к семейству Монтебелло, выразившееся в даровании в 1817 г. наследнику маршала звания пэра Франции, сделало из Наполеона Монтебелло примерного легитимиста.

⁹ Там же, 1858 г., д. 115, л. 294. Киселев – Горчакову, 24 февраля 1858 г.

¹⁰ Служебное досье Монтебелло см. ААЕ, Personnel, 1-re série, № 2962. Об этом выборе Валуевский 13 февраля 1858 г. проинформировал Киселева, одновременно попросив выяснить в Петербурге, будет ли это назначение принято там благожелательно. Положительный ответ не заставил себя ждать. Кандидатура герцога де Монтебелло была сразу же одобрена Александром II.

¹¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1858 г., д. 115, л. 294–295. В приложении к этой депеше Киселев дал биографическую справку и развернутую характеристику герцогу де Монтебелло. См. Там же, л. 299–304об.

Он никогда не выказывал оппозиционных настроений. Юный герцог получил образование в престижной Политехнической школе, но на военную службу не пошел. Он много путешествовал по Европе, совершил продолжительную поездку в Североамериканские Соединенные Штаты, а по возвращении изъявил намерение стать дипломатом. Первый его дипломатический пост – атташе посольства Франции в Риме, где он служил под началом виконта де Шатобриана. В начале июля 1830 г. он вступил в брак с 20-летней англичанкой Элеонорой Дженкинсон, дочерью сэра Чарлза Дженкинсона, бывшего депутата палаты общин. Брак не принес небогатому Монтебелло необходимого достатка, зато оказался на редкость прочным. Элеонора родила мужу девятерых детей.

Когда в Париже произошла Июльская революция, герцог де Монтебелло на время оставил дипломатию и принял участие в заседаниях палаты пэров. Происходившие в Люксембургском дворце дискуссии по актуальным политическим вопросам сделали из вчерашнего легитимиста убежденного либерала-орлеаниста. Он стал горячим сторонником Франсуа Гизо, вождя так называемых “доктринеров”, правоцентристской фракции орлеанистов.

Вернуться на дипломатическую службу пэра Франции, сохранившего за собой место в палате, побудили, по всей видимости, материальные соображения. В конце 1832 г. он получает назначение на пост посланника в Дании, где проведет полтора года. В июле 1834 г. – новое назначение, на этот раз послом в Швецию. Здесь он пробыл чуть более года. Затем – посольства в Берне и Неаполе. С 1 апреля до 11 мая 1839 г. Монтебелло исполняет обязанности министра иностранных дел после отставки с этого поста графа Луи-Матьё Моле, а потом передает полномочия новому министру, маршалу Сульту. Недолгое время он снова заседает в палате пэров, а затем возвращается в Неаполь, где среди прочих обязанностей ведет переговоры о заключении брака герцога Омальского, сына короля Луи-Филиппа, с принцессой Марией-Каролиной, дочерью короля Обеих Сицилий. На этот раз пребывание Монтебелло в Неаполе затянулось на семь лет.

В мае 1847 г. вернувшийся на пост главы правительства Гизо вызывает его в Париж и предлагает занять место министра по делам флота и колоний. Монтебелло принимает приглашение и руководит министерством до Февральской революции 1848 г., свергнувшей Июльскую монархию. За свое недолгое пребывание на министерском посту Монтебелло запомнился не только сопротивлением принятию законопроекта об отмене рабства во французских колониях, но и рядом мер по усовершенствованию там судебной и медицинской системы.

Либерально-монархические убеждения не давали ему шансов на продолжение министерской карьеры при Второй республике, но не помешали избранию в Законодательное собрание от департамента Марна, где Монтебелло успел обзавестись виноградниками. В парламенте он следует за линией умеренного большинства, состоя в комиссии, руководимой А. Тьером. Одновременно, как крупный акционер, Монтебелло занимается различными деловыми проектами.

Он не только не принял участия в бонапартистском перевороте 2 декабря 1851 г., но поначалу, будучи либералом, даже осудил его. Правда, в дальнейшем, вплоть до провозглашения Второй империи в декабре 1852 г., герцог старался держаться в тени.

Человек, носящий столь громкое имя, связанное с блестящими победами Первой империи, не мог оставаться невостребованным при Наполеоне III. Первое время дело ограничивалось присутствием Монтебелло на различных празднествах и торжественных мероприятиях, устраиваемых тюильрийским двором. Его часто видели в салоне графа и графини Валевских, куда любил наведываться и император Наполеон. Гости неоднократно замечали, что император о чем-то беседует с Монтебелло.

Более активному участию герцога в политической жизни Второй империи, по-видимому, мешали его старые связи с орлеанистской оппозицией. Он считался с мнением друзей, неодобрительно наблюдавших за тем, как император обхаживает их коллегу. Сам Монтебелло оправдывался необходимостью поправить свои материальные дела за счет проектов, поддерживаемых правительством. Он даже готов был занять кресло сенатора, если бы оно было ему предложено.

Однако вместо Люксембургского дворца, где находился Сенат, Наполеон предложил Монтебелло другое место службы – внушительный особняк на набережной Орсэ, где накануне открытия Парижского конгресса обосновалось министерство иностранных дел. Речь шла о возвращении на дипломатическую службу. Император предполагал направить герцога послом в Россию, но Монтебелло отклонил это предложение.

Через некоторое время Наполеон возобновил разговор на эту тему, предложив Монтебелло на выбор два посольства – в Риме и опять же в Петербурге. Герцог согласился поехать в Рим, а в Петербург решено было направить графа де Райневаля.

Неожиданный отказ графа побудил Наполеона настоятельно просить Монтебелло возглавить посольство в России, отметив чрезвычайную важность этого поста. Герцог посчитал неучтивым в третий раз отказывать императору и принял предложение¹².

Характеризуя нового посла Франции, граф Киселев назвал его “порядочным человеком, исполненным чести и лояльности”. Русский посол отметил и такие его качества, как “скромность и нерешительность”. “Однако когда он уже определился с целью, – подчеркивал Киселев, – то следует к ней твердо, и встречаемые на пути препятствия не обескураживают его. За это его и ценят; этим он и привлекает к себе”¹³.

Согласие Монтебелло возглавить посольство в Петербурге было неодобрительно встречено его друзьями-орлеанистами, о чем ему сказали Гизо и герцог Виктор де Броли: первый в деликатной форме, второй – прямо. В обществе же, как сообщал граф Киселев, назначение Монтебелло было воспринято “очень благожелательно”. В целом, резюмировал Киселев, “правительство не могло сделать лучшего выбора” среди кандидатов на пост посла в России¹⁴.

* * *

18 мая 1858 г. Монтебелло прибыл в Кронштадт на борту почтового судна “Прусский орел”. У причала его встречали комендант города-крепости и адъютант генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича, предоставившего в распоряжение посла Франции два паровых катера – один для герцога де Монтебелло и его супруги, другой – для свиты и багажа. Катера под французским триколором направились в сторону Петербурга, приветствуемые встречными военными кораблями русского флота.

По прибытии в посольскую резиденцию Монтебелло немедленно отправил к князю Горчакову советника посольства маркиза де Шаторенара с письменным извещением о своем приезде. Вернувшись, Шаторенар вручил герцогу письмо от Горчакова, где говорилось, что министр приглашает господина посла прибыть к нему для первого знакомства уже на следующий день, в три часа пополудни.

На состоявшейся встрече они обсудили детали предстоящей аудиенции посла у императора. Монтебелло обговорил также вопрос об аудиенции для своей жены у обеих императриц. В итоге было согласовано, что высочайшая аудиенция будет дана ему в понедельник, 25 мая, в Царском Селе, и в тот же день герцогиня де Монтебелло будет представлена вдовствующей императрице Александре Федоровне и царствующей императрице Марии Александровне. Обо всех этих договоренностях Монтебелло сообщил графу Валуевскому 21 мая 1858 г. в депеше, отправленной с курьером британского посольства¹⁵.

В назначенный день герцог и герцогиня де Монтебелло прибыли в Царское Село на поезде из Санкт-Петербурга. В их распоряжение был предоставлен специальный вагон. С вокзала посла и его супругу в дворцовых каретах доставили во дворец, где для них подготовили покои. Осматривая салон, Монтебелло обратил внимание на две украшавшие его картины. На одной был изображен обстрел французской армией Вены, на другой – торжественный въезд императора Наполеона I в Мюнхен. В депеше,

¹² Там же, л. 299–300об.

¹³ Там же, л. 300об. – 301.

¹⁴ Там же, л. 304об.

¹⁵ AAE, Correspondance politique, Russie, 1858, v. 216, fol. 283–284 verso.

отправленной в Париж, он по этому поводу заметил: “Судя по всему, в царском дворце сохраняют благожелательные воспоминания о наших победах”¹⁶.

Через час после приезда посол был приглашен к императору, которому вручил свои верительные грамоты. По окончании официальной церемонии Александр пригласил Монтебелло в свой кабинет для неформальной беседы, начавшейся с воспоминаний царя о встрече в Штутгарте с императором французов¹⁷. Он считал ее очень полезной и политически важной. “Я проникся доверием к императору”, – сказал Александр.

Затем они перешли к обсуждению текущих политических вопросов. Александр говорил о важности взаимодействия России и Франции для нормализации обстановки в Черногории, подвергавшейся угрозе со стороны Турции, и с удовлетворением констатировал согласованные действия русских и французских военных кораблей у берегов Черногории. Само присутствие флагов двух держав в Адриатике, по его мнению, должно было послужить гарантией поддержания мира в этом районе.

Подобная солидарность была бы полезной и в других вопросах европейской политики, завершил свою мысль император. Заканчивая разговор, он выразил надежду, что теперь у него будет много возможностей для общения с послом Франции для взаимного обмена мнениями по актуальным политическим вопросам, затрагивающим интересы двух стран.

Вернувшись в свою резиденцию, Монтебелло составил отчет о первой встрече с императором и прокомментировал ее. Главный вывод, к которому он пришел, сводился к тому, что импульс к двустороннему сотрудничеству, данный в Штутгарте, не угас, как того можно было опасаться, что в Петербурге стремятся к развитию политического диалога с Францией. Весь вопрос в том, писал Монтебелло, в какой степени Франция может рассчитывать на реальное содействие России, ослабленной последней войной и погруженной в решение внутренних проблем. На этот вопрос, заметил посол, можно будет получить более четкий ответ, выяснив подлинные намерения императора Александра. “Именно это и станет здесь целью моих постоянных забот”, – подчеркнул Монтебелло¹⁸.

Судя по всему, одной из главных забот нового французского посла стало выяснение реального состояния отношений между Россией и Австрией, что было важно для реализации планов Наполеона III в северной Италии. Об этом Монтебелло размышлял в депеше Валуевскому. Первое впечатление, вынесенное им из общения с императором Александром и князем Горчаковым, было благоприятным для Франции. “На сегодняшний день я могу констатировать, – докладывал Монтебелло, – что у нас нет пока оснований опасаться сближения между Австрией и Россией; слишком очевидно расхождение их интересов... в частности, в отношении Монтенегро (Черногории. – П. Ч.)”¹⁹.

Монтебелло ссылался также на сетования австрийского поверенного в делах в Петербурге на то, как обходится с ним князь Горчаков, “откровенно настроенный против Австрии”. “Я и сам успел заметить [у Горчакова] проявления неприязни к этой державе. Он жаловался мне, среди прочего, на твердое нежелание Австрии идти на уступки в вопросе навигации по Дунаю”, – писал Монтебелло графу Валуевскому²⁰. Тем не менее состояние русско-австрийских отношений постоянно будет в центре моего внимания, отметил посол.

¹⁶ Ibid., fol. 294–301. Полный текст депеши Монтебелло от 27 мая 1858 г. с описанием его первой встречи с Александром II.

¹⁷ В ходе личных переговоров в Штутгарте 13–15 сентября 1857 г. Александр II и Наполеон III обменялись оценками политической ситуации в Европе. Царь пообещал не противиться притязаниям Наполеона на Савойю и Ниццу, а император французов подтвердил желание помочь России освободиться от ограничений Парижского мира.

¹⁸ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1858, v. 216, fol. 299.

¹⁹ Ibid., fol. 299 verso.

²⁰ Ibid., fol. 300.

В этой же депеше он описал тот любезный прием, которого удостоилась герцогиня де Монтебелло у обеих императриц.

Посол рассказал и о своей встрече с великим князем Константином Николаевичем, принимавшим его у себя в Мраморном дворце. Брат императора поделился впечатлениями о пребывании во Франции и дал высокую оценку постановке там морского дела. Одновременно он выразил сожаление, что французские корабли – редкие гости в русских портах, где гораздо чаще можно видеть британские флаги. Было бы полезным для обеих стран, сказал генерал-адмирал, оживить контакты в этой области²¹.

Валевский посчитал необходимым сообщить графу Киселеву о благоприятном впечатлении, вынесенном герцогом де Монтебелло из его первых встреч в Петербурге, и о том радушном приеме, который оказал послу император Александр. От имени императора Наполеона министр просил передать Александру II искреннюю благодарность²².

Так началась дипломатическая миссия Монтебелло в России. Прежде всего она предполагала регулярные политические консультации с князем Горчаковым по вопросам, представлявшим взаимный интерес. В центре обсуждения на этих консультациях продолжала оставаться ситуация в Черногории и проходившая в Париже конференция по Дунайским княжествам. Ее работа близилась к концу. В последних числах июля 1858 г. Монтебелло получил из Парижа заключительные протоколы конференции, которые он обсудил с Горчаковым в перспективе предстоящей их ратификации²³.

В обязанности посла Франции входило также участие в дворцовых и иных мероприятиях. В самом начале июля 1858 г. он присутствовал на освящении Исаакиевского собора в Петербурге. Церемония произвела на французского посла большое впечатление “блеском и помпой, предписываемыми обрядами Греческой Церкви”²⁴.

А в начале августа герцог и герцогиня Монтебелло, единственные из всего иностранного дипломатического корпуса, были приглашены в Петергоф на именины императрицы Марии Александровны, отмечавшиеся в узком семейном кругу. В их распоряжение были предоставлены апартаменты в самом дворце, а не в Английском доме, где обычно останавливались приглашенные в Петергоф именитые гости. “Я не могу Вам описать, до какой степени предупредительности доходило обхождение с послом императора”, – сообщал 5 августа 1858 г. Монтебелло в депеше Валевскому.

При проезде посольской кареты собранные вдоль дороги толпы народа приветствовали Монтебелло радостными криками: “Это посол Франции!”. На праздничном обеде Монтебелло посадили между императрицей и великой княгиней Марией, а герцогиню – рядом с императором. Во время последовавшего разговора Александр II выразил полное удовлетворение тесными отношениями с императором французов, а, упомянув о недавней встрече Наполеона III с королевой Викторией в Шербурге, сказал с улыбкой: “Я надеюсь, визит королевы Англии их не ослабит”²⁵.

В начале октября 1858 г. Монтебелло взял отпуск по семейным обстоятельствам и уехал во Францию, оставив вместо себя маркиза де Шаторенара в качестве поверенного в делах. Герцог предполагал провести на родине не менее года, однако уже 6 апреля 1859 г. ему пришлось срочно вернуться в Петербург²⁶.

Возвращение французского посла было связано с тем, что в северной Италии назревал военный конфликт между Пьемонтом и Францией, с одной стороны, и Австрией – с другой. Речь шла о намерении сардинского короля Виктора-Эммануила II

²¹ Ibid., fol. 300 verso – 301.

²² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1858 г., д. 116, л. 240–241. Киселев – Горчакову, 8 июня 1858 г.

²³ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1858, v. 217, fol. 71. Ратификация заключительных протоколов состоялась в начале октября 1858 г.

²⁴ Ibid., fol. 30. Монтебелло – Валевскому, 2 июля 1858 г. Под “греческой” Монтебелло имел в виду Православную церковь.

²⁵ Ibid., fol. 70–78.

²⁶ Ibid., 1859, v. 218, fol. 255 verso. Шаторенар – Валевскому, 6 апреля 1859 г., по телеграфу.

и императора Наполеона III вытеснить Австрию из Северной Италии, поделив между собой Ломбардию, Савойю и Ниццу.

Понимая, что подобные намерения подправить политическую карту Европы могут натолкнуться на сопротивление Англии и Пруссии, Наполеон III – главный вдохновитель готовившейся антиавстрийской акции – старался заручиться содействием или хотя бы благожелательным нейтралитетом России.

“Итальянская” тема, как уже отмечалось, была одной из главных на встрече Наполеона III с Александром II в Штутгарте в сентябре 1857 г. Императору французов удалось тогда склонить царя на свою сторону, в очередной раз пообещав посодействовать в пересмотре ряда статей Парижского договора 1856 г.²⁷

Эта тема обсуждалась и на переговорах Александра II в Варшаве в сентябре 1858 г. с принцем Наполеоном, кузеном императора²⁸.

В развитие достигнутых в Варшаве договоренностей в ноябре 1858 г. в Петербург прибыл эмиссар императора французов, флотский капитан барон де Ла Ронсьер Ле Нури, уполномоченный для ведения переговоров о заключении двустороннего соглашения относительно взаимодействия в северной Италии²⁹.

Переговоры проходили в условиях строгой конфиденциальности. Затем они были продолжены в Париже, где 3 марта 1859 г. был подписан секретный договор³⁰, по которому Александр II, по существу, благословил Наполеона III на войну с Австрией, обещав благожелательный нейтралитет. Россия обязалась не препятствовать расширению Сардинского королевства, союзника Франции, а также последующей передаче последней Савойи и Ниццы в обмен на Ломбардию, откуда предстояло изгнать австрийцев. Устно Наполеону было обещано в случае войны придвинуть к восточным границам Австрии несколько русских корпусов, чтобы помешать переброске австрийских подкреплений на север Италии.

Монтебелло подключился к процессу франко-русского согласования позиций по итальянскому вопросу за три недели до начала военных действий в северной Италии.

В результате короткой военной кампании 1859 г. франко-сардинские войска нанесли австрийцам три решающих поражения – при Монтебелло, Мадженте и Сольферино, вынудив Франца-Иосифа заключить 8 июля 1859 г. унизительное для Австрии Виллафранкское перемирие³¹.

В период военных действий французский посол в Петербурге подробно информировал свое правительство о том, как реагируют в России на победы франко-сардинских войск. “Известие о победе при Мадженте, – сообщал он Валуевскому 17 июня 1859 г., – произвело здесь, как и повсюду, большую сенсацию. Но Петербург, наверное, единственная столица в Европе, где эта новость была воспринята с чувством искреннего удовлетворения. Едва я успел получить от Вас сообщение [о победе при Мадженте], – продолжал Монтебелло, – как эта новость широко распространилась; в тот же вечер и на протяжении последующего дня на мое имя стали поступать многочисленные поздравления; среди самых восторженных откликов... я могу назвать послание от великой княгини Елены [Павловны], которая прислала ко мне гофмейстера своего двора с просьбой передать ее личные поздравления нашему императору”³².

²⁷ Об этом см. *Черкасов П.П.* Династическая дипломатия в российско-французских отношениях 1856–1870 гг. – Новая и новейшая история, 2013, № 1.

²⁸ Там же.

²⁹ Цели и характер миссии де Ла Ронсьера Ле Нури отражены в его переписке с князем Горчаковым и в предложенном им проекте секретного договора. – ААЕ, *Mémoires et Documents*, v. 45, fol. 181–186 verso, 216–217 verso.

³⁰ От имени России договор подписал П.Д. Киселев, российский посол в Париже. Об этом подробнее см. К истории франко-русского соглашения 1859 г. Сост. Ф. Ротштейн. – Красный архив, 1938, т. 33 (88). См. также: *Серова О.В.* Итальянский вопрос в русско-французских отношениях накануне войны 1859 года. – Россия и Франция. XVIII – XX века, вып. 1. М., 1995.

³¹ См. *Bourgérie R.* Magenta et Solferino (1859). Napoléon III et le rêve italien. Paris, 1993.

³² ААЕ, *Correspondance politique*, Russie, 1859, v. 219, fol. 71 verso.

Когда военное преимущество французов и пьемонтцев над австрийцами стало очевидным, князь Горчаков, встретившись с Монтебелло, просил его передать в Париж настоятельный совет императора Александра о необходимости скорейшего заключения мира с Австрией, обещая всю необходимую дипломатическую поддержку России. Горчаков, как докладывал 25 июня 1859 г. Монтебелло Валуевскому, не скрывал перед ним своего беспокойства в связи с объявлением в Пруссии демонстративной мобилизации шести армейских корпусов. Кроме того, Горчаков обратил внимание посла Франции на возможные демарши со стороны Англии, обеспокоенной успехами французского оружия в северной Италии. По мнению министра иностранных дел России, необходимо было безотлагательно нейтрализовать эти возможные неблагоприятные для Франции шаги двух влиятельных европейских держав прекращением военных действий и заключением мира, который в любом случае будет почетным для победителей – императора французов и сардинского короля. Франция может быть уверена в лояльной позиции России в деле мирного урегулирования, подчеркнул князь Горчаков³³.

По всей видимости, Наполеон принял во внимание рекомендации единственной из великих европейских держав, в ходе конфликта занявшей позицию благожелательного нейтралитета. Как уже отмечалось, 8 июля в Виллафранке он заключил перемирие с Францем-Иосифом.

Сразу же по получении из Парижа зашифрованной телеграммы о перемирии Монтебелло отправился в Петергоф на встречу с Горчаковым. Тот выразил ему “искреннее и полное удовлетворение подписанным соглашением”³⁴. Проинформированный Горчаковым о заключении перемирия император Александр, находившийся в это время в Петергофе, пожелал немедленно принять французского посла. Как сообщал Монтебелло в отправленной в Париж депеше, “Его Величество в самых дружеских выражениях засвидетельствовал мне те же чувства, что и князь Горчаков”³⁵.

На следующей встрече, состоявшейся через неделю, Горчаков заверил Монтебелло, что “Франция может рассчитывать на Россию как на друга, готового оказать ей помощь во всех ее намерениях”³⁶.

Как вскоре выяснится, эти слова не были пустой фразой. Заручившись эффективной дипломатической поддержкой со стороны России, Наполеон III в результате послевоенного мирного урегулирования достиг желанной цели – Савойя и Ницца были переданы Франции, а Пьемонт в порядке компенсации получил отторгнутую от Австрии Ломбардию.

В Петербурге имели все основания ожидать от императора французов взаимной услуги – неоднократно обещанного содействия в пересмотре Парижского договора 1856 г. Однако Наполеон III и на сей раз не поспешил исполнить свое обещание, что породило первые сомнения у Александра II и Горчакова в отношении лояльности французского союзника.

Со своей стороны герцог Монтебелло, как и его русский коллега в Париже граф П.Д. Киселев, делали все возможное для того, чтобы развеять появившиеся в Петербурге сомнения и спасти франко-русское согласие, наметившееся после окончания Крымской войны.

В донесениях в Париж Монтебелло неоднократно подчеркивал, что Россия всегда была верна своим обязательствам в отношении Франции и в этом смысле ее не в чем упрекнуть. В одной из депеш он напомнил Валуевскому об обещании Горчакова, относящемся к периоду войны в северной Италии, – всеми средствами воспрепятствовать вступлению в войну Пруссии на стороне Австрии, и добавил, что дело тогда не ограничилось словами. Горчаков конфиденциально проинформировал Берлин, что Россия не останется равнодушной, если Пруссия ввяжется в войну. Именно эта пози-

³³ Ibid., fol. 113–120.

³⁴ Ibid., fol. 171 verso. Монтебелло – Валуевскому, 14 июля 1859 г.

³⁵ Ibid., fol. 172 recto-verso.

³⁶ Ibid., fol. 182 recto-verso. Монтебелло – Валуевскому, 22 июля 1859 г.

ция России остудила горячие головы в Берлине – тех, кто требовал немедленно прийти на помощь родственной Австрии. “Как бы то ни было, господин граф, – писал Монтебелло Валуевскому 28 сентября 1859 г., – у меня есть все основания верить, что князь Горчаков сделал именно то, о чем он мне доверительно сообщил. Он действительно предостерег Берлин”³⁷.

Монтебелло высказал твердое убеждение в том, что, если бы война вышла за итальянские границы, Россия не осталась бы в стороне, так как она не могла допустить, чтобы Австрия одержала победу³⁸.

Посол настоятельно советовал своему правительству верить в надежность русско-го союзника и пойти навстречу его ожиданиям, которые хорошо известны в Тюильри. Он процитировал слова, сказанные ему князем Горчаковым на их встрече в конце сентября 1859 г. “С тех пор, как император доверил мне руководство иностранными делами, – сказал Горчаков, – [внешняя] политика России основана на согласии с Францией. Такова политика императора, и именно по той причине, что я ее полностью разделяю, он и доверил мне иностранные дела.

Я убежден, что это согласие служит постоянным интересам двух империй, и я приложу все свои старания, чтобы его укрепить. Россия намерена во всех вопросах действовать сообща с Францией. Это согласие легко сохранить в вопросах большой политики, поскольку основополагающие интересы двух стран совпадают.

Если же по некоторым второстепенным вопросам мы и придерживаемся разных подходов, то можем откровенно сказать об этом друг другу. В том, что зависит от России, мы будем делать все возможное, чтобы прийти к согласию. Наверное, вы могли бы найти и более выгодных друзей, но вы не найдете друзей более преданных и надежных”³⁹.

Доводя до сведения Валуевского, а значит, и Наполеона, эти слова Горчакова, посол Франции не считал нужным скрывать, что верит в их искренность. В течение первого года, что он провел в Петербурге, Монтебелло, прежде знакомый с Россией лишь по известной книге маркиза де Кюстина, превратился в убежденного сторонника франко-русского сближения.

Похожую эволюцию проделал и посол России в Париже граф Павел Дмитриевич Киселев, отстаивавший идею русско-французского союза даже тогда, когда Петербургу стала очевидна его неосуществимость. На каком-то этапе взгляды русофила Монтебелло (как и франкофила Киселева) разойдутся с позицией их правительств, и это закономерно приведет к замене послов.

Важным достижением герцога де Монтебелло на посольском посту в Петербурге стало заключение 6 апреля 1861 г. франко-русской конвенции по авторским правам в области литературы и искусства⁴⁰. Это был первый документ такого рода в истории двусторонних отношений. Он регламентировал порядок перепечатки и воспроизведения в обеих странах книг, брошюр, пьес, музыкальных сочинений, произведений живописи и скульптуры, опубликованных научных трудов, карт, литографий и других объектов интеллектуальной собственности. Конвенция защищала как авторские права, так и права наследников создателей тех или иных произведений, вводя судебную ответственность за нарушение этих прав.

Понятно, что конвенция в наибольшей степени отвечала интересам французских авторов и издателей, в течение многих десятилетий несших убытки от несанкционированного воспроизведения и перевода их произведений в России. Еще с XVIII в. туда шел все расширяющийся и ничем не регламентированный поток литературы из

³⁷ Ibid., fol. 257–267.

³⁸ Ibid., fol. 265 recto – 266 verso.

³⁹ Ibid., fol. 257 verso – 258 recto.

⁴⁰ Полный текст конвенции на русском и французском языках см. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XV. Трактаты с Францией. 1822–1906. СПб., 1909, с. 388–397.

Франции. Теперь в этом вопросе был наведен порядок. Подписанное Монтебелло и Горчаковым соглашение действовало в течение четверти века – вплоть до 1886 г., когда оно было денонсировано правительством Александра III.

* * *

Из переписки Монтебелло с министерством иностранных дел Франции видно, что посол интересовался не только вопросами внешней политики Александра II, но и другими насущными проблемами российской действительности. Объектом его пристального внимания была кавказская политика России.

На его глазах завершалась почти полувековая война России на Северном Кавказе, считавшемся воротами из Азии в Европу. Монтебелло стал очевидцем последнего этапа утверждения России в этом районе.

Переломным моментом в Кавказской войне явилось пленение вождя горцев имама Шамиля в дагестанском ауле Гуниб 25 августа 1859 г. Слава покорителя Северного Кавказа досталась генерал-адъютанту князю Александру Ивановичу Барятинскому, главнокомандующему Кавказской армией, другу детства Александра II.

Свои наблюдения и впечатления об этих важных событиях, получивших широкий европейский отклик, посол Франции излагал в обстоятельных депешах, направлявшихся им в Париж⁴¹.

Еще до того как Шамиль был взят в плен, Монтебелло пришел к выводу, что установление контроля России над Северным Кавказом – дело предопределенное. В донесении Валуевскому от 18 августа 1859 г. посол сообщал: “По сведениям, поступившим сегодня с Кавказа, русскими войсками достигнут крупный успех. Окруженные с трех сторон армейскими корпусами под командованием графа Евдокимова, генерала Врангеля и самого князя Барятинского племена, признающие власть Шамиля, сложили оружие. Самому Шамилю в сопровождении примерно 20 сподвижников, с оружием удалось бежать, укрывшись в одной из его многочисленных резиденций. Таким образом, часть Кавказа, расположенная между Военно-Грузинской дорогой и Каспийским морем, полностью взята под контроль, по крайней мере к настоящему моменту. В Санкт-Петербурге распространено убеждение в том, что не покоренные еще племена, населяющие территорию, прилегающую к черноморскому побережью, не будут сопротивляться столь же долго, как те, которые образуют Конфедерацию, возглавляемую Шамилем.

Хотя географические условия местности в этой части [Северного Кавказа] более сложные, чем в другой [восточной], отсутствие единства между вождями и их неприязненное отношение к Шамилю, которого они не выдадут, если он попросит у них убежища, но которому они отказались бы повиноваться, – все это дает основание предвидеть в довольно скорой перспективе утверждение русского господства по всей линии Кавказских гор”⁴².

По-видимому, известие о захвате Шамиля пришло в Петербург с задержкой. Во всяком случае Монтебелло проинформировал об этом важном событии Валуевского лишь 14 октября 1859 г. Свидетельство посла представляет несомненный интерес и потому заслуживает подробного изложения. Вот как он описывает обстоятельства этого дела: “Князь Барятинский, захватив Шамиля, только что блестяще завершил нынешнюю кампанию, начавшуюся взятием Ведено. Окруженный войсками императорского наместника⁴³, наступавшего в восточном направлении по течению реки Андийское Койсу, и войсками барона Врангеля, продвигавшегося на запад из Темир-Хан-Шуры⁴⁴, вытесняемый из горной местности Шамиль вынужден был отступить за реку

⁴¹ Об этом подробнее см. Герцог де Монтебелло и имам Шамиль. Донесения посла Франции в России о Кавказской войне и пленении Шамиля в 1859 г. Из фондов Архива МИД Франции. Публ., пер. с франц. и комм. П.П. Черкасова. – Россия и Франция. XVIII–XX века, вып. 7. М., 2006.

⁴² ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1859, v. 219, fol. 206 recto-verso.

⁴³ Имеется в виду главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант князь А.И. Барятинский (1815–1879). За пленение Шамиля и покорение Северного Кавказа он в 1859 г. был произведен в генерал-фельдмаршалы.

⁴⁴ С 1922 г. – город Буйнакск в восточной части Дагестана.

Аварское Койсу⁴⁵ и укрыться в ауле Гуниб вместе с 400 мюридами⁴⁶, оставшимися верными его пошатнувшейся судьбе. Это аул, расположенный на возвышенном плато протяженностью в 20 километров, на плодородной земле, орошаемой водами небольшой реки, и недоступного со всех сторон, за исключением крутого склона, по которому идет тропинка, отделенная рвом и зубчатыми заграждениями.

Имам не рассчитывает более на поддержку населения, уставшего от его кровавого деспотизма и от дальнейшего продолжения слишком неравной борьбы, решившего сдать на милость главнокомандующего (Барятинского. – П. Ч.) и даже присоединить свои силы к его войскам. По этой причине он вынужден был собрать все свои средства и силы в один кулак. По единодушному признанию очевидцев из числа офицеров, теперь уже невозможно было не положить конец его сопротивлению. Когда русская армия вплотную подошла к подножию плато, Шамиль начал переговоры, которые продолжались несколько дней. Вскоре стало понятно, что он преследует лишь одну цель – выиграть время до начала зимы, которая наступает в этих местах очень рано и вынудит армию, заброшенную в необитаемую страну без средств сообщения и без снабжения, поспешить вернуться на свои оперативные базы. Желая положить конец этим бесполезным переговорам, князь Барятинский потребовал сдачи Шамиля, гарантировав ему жизнь и обещав возможность отправиться в Мекку с пенсией в 12 тыс. рублей. Получив отказ, князь Барятинский рассчитывал теперь только на силу. Он приказал одному из своих офицеров с несколькими ротами изучить все подступы к плато.

Заметив передвижения в лагере противника, принятые им за подготовку к предстоящей ночной атаке, Шамиль сосредоточил свои силы в одном месте, по его расчету, наиболее уязвимом. Он отозвал к себе дозорных, группами из трех человек расставленных по всей окружности горы. В это время она была взята в кольцо русским отрядом, посланным на рекогносцировку, в ходе которой четверо солдат обнаружили едва заметный лаз, ведущий наверх. Они поднялись с помощью веревок и крюков и, никого не обнаружив на всем пути, дали знать об этом своим товарищам, и те вслед за ними вскарабкались туда тем же способом. Когда среди горцев поднялась тревога и завязался бой, наверху уже прочно закрепились три роты. Князь Барятинский немедленно использовал эффект неожиданности. Он атаковал противника своими основными силами, введя их в обнаруженный проход. Схватка велась с применением только холодного оружия. 360 мюридов дорого продали свои жизни. Русские офицеры засвидетельствовали, что они потеряли 600 человек в этом бою, больше напоминавшем резню. Река сделалась красной от крови, и вода была настолько отравлена, что даже на следующий день лошади отказывались ее пить.

Князь постарался остановить бойню, опасаясь, что Шамиль может стать ее жертвой, а не почетным пленником. Он понимал, что героическая гибель сделала бы вакантным занимаемое им место вождя горцев. А оставшись в живых и находясь в плену, Шамиль навсегда сохранил бы это место за собой, что уже не представляло бы угрозы [для России]. Нужно было любой ценой избежать того, что произошло, когда Кази Мулах, первый имам Дагестана, убитый при взятии Гимры в 1831 г.⁴⁷, был немедленно замещен еще более грозным преемником⁴⁸.

⁴⁵ При слиянии Аварского и Андийского Койсу берет начало река Сулак, впадающая в Каспийское море.

⁴⁶ «Мюрид» буквально означает – «ищущий путь к спасению» через участие в священной войне с неверными. Мюрид обязан беспрекословно повиноваться своему духовному наставнику, жертвуя всем – и имуществом, и семьей, и самой жизнью.

⁴⁷ Имеется в виду первый имам Чечни и Горного Дагестана Гази-Магомед (1794–1832), призвавший горцев в 1828 г. к «газавату» – священной войне против неверных, т.е. русских. Он погиб (был заколот штыками) 17 октября 1832 г. при штурме русскими войсками его родного аула Гимры в Горном Дагестане.

⁴⁸ Французский посол, по всей видимости, пишет о имаме Шамиле. В действительности преемником Гази-Магомеда и вторым имамом Чечни и Горного Дагестана в 1832 г. стал Гамзат-бек (1789–1834), один из сподвижников Гази-Магомеда с 1829 г. Он был убит своими кровниками в 1834 г. Преемником Гамзат-бека и третьим по счету имамом стал Шамиль.

Когда бой затих, князю сообщили, что Шамиль забаррикадировался в одном из дворов вместе с 40 оставшимися в живых мюридами. Ему было предложено сдаться и предоставлено 12 часов на размышление. К концу дня имам в сопровождении вооруженных мюридов выехал из своего убежища верхом на коне, с ружьем в руке. Генерал Врангель приблизился к нему и, заверив его, что ему нечего опасаться, пригласил к наместнику императора, но только одного – без многочисленного эскорта. Шамиль согласился, однако окружавшие его мюриды заявили, что намерены сопровождать своего вождя до конца и умереть вместе с ним. С большим трудом Шамилю удалось убедить их не следовать за ним.

Шамиля в полном военном облачении, при оружии провели к князю Барятинскому. Князь поинтересовался, почему тот не сдался раньше, на куда более почетных условиях, нежели те, которые продиктованы ему сейчас. “Я обязан был, – ответил он, – во имя моей цели и ради моих приверженцев сдаться только в крайнем случае. Лишь тогда, когда у меня не останется ни малейшей надежды на успех. Теперь я свободен в своем решении. Точно так же, как мед со временем приобретает горький привкус, так и война может стать бессмысленной”.

Он повторил свою просьбу отпустить его в Мекку, но князь сказал, что теперь слишком поздно и его судьба отныне целиком в руках императора, к которому он его и доставит. При этом князь Барятинский добавил, что Шамилю оставят его семью, оружие и найденную в ауле казну, оцениваемую в 300 тыс. рублей.

Так завершилось господство этого человека, который в течение 30 лет успешно противостоял на Восточном Кавказе русской мощи. Было бы ошибкой полагать, как считают многие, будто Шамиль господствовал над всем этим горным хребтом. В действительности власть Шамиля никогда не распространялась по ту сторону Военной дороги, ведущей из Владикавказа в Тифлис. Его власть и влияние не выходили за пределы Дагестана, Лезгистана и Чечни. Чтобы поддерживать священную для него борьбу, он сочетал религиозные, политические и террористические методы и добился создания достаточно однородной Конфедерации племен, населяющих узкие долины Восточного Кавказа и прежде глубоко разобщенных.

Он превзошел предшественников талантами и ловкостью, увенчавшимися столь продолжительным успехом. Видя, что религиозный дух не достаточен, чтобы сильно увеличить экзальтацию населения, как того требовала поставленная им цель, Шамиль ввел суфизм⁴⁹ и укрепил его фанатизмом секты. Суфизм – это не доктрина, которая что-то добавляет или отменяет в мусульманских догмах; это своего рода религиозный орден, построенный на монашеской дисциплине, вождем которого был Шамиль под именем Муршид, а его ближайшие последователи стали называться мюридами. По истечении двухлетнего испытательного срока они принимались в охрану верховного вождя и приносили ему клятву в безграничном повиновении и преданности. Если вообще позволительно сравнивать общий смысл тех или иных идей и идейных направлений, то можно сказать, что в суфизме есть нечто схожее с правилом иезуитов касательно самоотречения отдельной личности и ее полного подчинения внушенным свыше приказам.

Но население, уставшее от суровой доктрины, которая больше навязывала, чем убеждала, чутко реагировало на удары, наносимые Россией, равно как и на внушения ее агентов. Оно заметно охладело к гнету имама, единственным средством управления у которого была смертная казнь за малейшее правонарушение. Нередко целые деревни отдавались на разграбление и сжигались за проступок хотя бы одного из жителей.

Русские войска по несколько раз занимали долины, свержая там власть Шамиля, но с их уходом прекращалась и их власть. Весьма вероятно, что теперь эти районы

⁴⁹ *Суфизм* – мистическое течение в исламе, окончательно оформившееся в XII в. Для него характерно сочетание метафизики с аскетической практикой. Это учение о постепенном приближении через мистическую любовь к познанию Бога (в интуитивных экстатических озарениях) и слиянию с ним.

больше уже не вырвутся из-под власти России. Император Александр предоставил в распоряжение князя Барятинского такие средства и такую свободу рук, которых не имел ни один из его предшественников, и, надо отметить, что этот генерал использовал их с талантом, о чем свидетельствуют достигнутые им результаты. Итак, военные средства, кажется, исчерпали себя в том, что касается восточной части Кавказа. Теперь, вне всякого сомнения, Россия направит свои устремления в направлении горного хребта, возвышающегося над Черным морем.

Хотя рельеф местности в этом районе создает намного большие трудности, по сравнению с имевшими место в только что завоеванной части Кавказа, в С.-Петербурге надеются подчинить мелкие феодальные княжества, расположенные в этих областях, с меньшими затратами, чем при покорении союза племен, соседствующих с Каспийскими морем»⁵⁰.

Французский посол продолжал внимательно следить за судьбой Шамиля. Ему даже довелось встретиться с имамом, доставленным в Петербург, и подробно поговорить с ним. Обстоятельства этой встречи посвящено подробное донесение Монтебелло графу Валуевскому от 20 октября 1859 г.

«Пленного Шамиля, – писал Монтебелло, – быстро удалили из мест, хранящих память о его длительном сопротивлении, и переправили в крепость Грозную, чтобы затем доставить на встречу с Императором, отправившимся из С.-Петербурга в поездку по Южной России. В начале своего [вынужденного] путешествия Шамиль проявлял опасения, что может быть отправлен в Сибирь. Это устрашающее слово хорошо было известно и в его горах, о чем мистическим образом напоминал компас, который Шамиль всегда имел при себе. Он очень обрадовался, обнаружив [по компасу], что их путь не лежит на северо-восток.

В городе Чугуеве Харьковского губернаторства произошла его встреча с Императором. Шамиля допустили к Его Величеству при оружии, проявив уважение к понятиям горцев о чести, согласно которым обезоруженный воин считается обесчещенным. Это обстоятельство ободрило имама, думавшего, что после аудиенции его казнят. Доброжелательный прием со стороны Его Величества окончательно рассеял его опасения. На вопросы Императора относительно ресурсов, которыми он в последнее время располагал на контролируемой им территории, Шамиль ответил то же, что сказал князю Барятинскому: что власть его клонилась к закату, что постоянно возрастающие трудности мешали продолжению борьбы и что он сам прекратил бы эту борьбу гораздо раньше, если бы хотя бы примерно представлял могущество страны, часть которой ему довелось увидеть собственными глазами.

Его Величество объявил, что даст ему возможность увидеть Москву и С.-Петербург, где он встретится с Императрицей, а затем его доставят в Калугу, где ему будет предоставлена резиденция и пенсия в размере 12 тыс. рублей. Его сын сможет вернуться на Кавказ, чтобы отыскать и доставить членов семьи Шамиля, с которыми он не должен быть разлучен. [...] Его Величество пригласил Шамиля сопровождать его в Харьков и принять участие в празднике, который в честь Императора устраивало дворянство этого города.

Именно на бале в Харькове Шамиль впервые увидел одно из наших европейских собраний. Войдя в зал, он остановился, прочел молитву и тут же хотел удалиться. Ему заметили, что у нас не принято уходить прежде, чем это сделает Император, и Шамиль любезно согласился остаться. Окружившим его дамам он с философской грустью сказал: “Я счастлив видеть вас теперь, так как боюсь, что мы не встретимся в раю, поскольку вы находите здесь все, что Пророк обещает нам только после смерти”»⁵¹.

Далее Монтебелло описывает свою встречу и беседу с имамом.

⁵⁰ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1859, v. 219, fol. 281–286.

⁵¹ Ibid., fol. 288–290.

“Через несколько дней после его прибытия в С.-Петербург я имел случай увидеть Шамиля и побеседовать с ним. Это человек высокого роста, исполненный спокойствия и достоинства. Выражение его лица свидетельствует об интеллекте, энергии и в особенности о непоколебимой твердости. Манеры его поведения и высказываемые суждения выдают человека, понимающего, что его судьба свершилась. Без чувства ложного фатализма он спокойно относится к исполненному им долгу, как и к своему почетному поражению. Он говорит на арабском языке... и на языке общем для племен Дагестана, Лезгистана и Чечни⁵²... Будучи далек от того, чтобы проявлять характерное для восточных людей безразличие ко всему, что касается достижений цивилизации, Шамиль не упускает случая увидеть и узнать, слушает и задает вопросы, свидетельствующие о разумности суждений, поражающих его собеседников. На военных маневрах, на тульском оружейном заводе, на железной дороге в Москве, в арсеналах Кронштадта, во всех общественных учреждениях С.-Петербурга – всюду, где он побывал, он обнаруживал ту же умную любознательность.

Я убежден, что Шамиль обладает очень точными знаниями относительно соотношения сил между различными державами Европы; он хорошо понимает неразделимость двух имен – Франция и Наполеон⁵³. Я спросил у него, знает ли он, что Франция и Россия, сегодня прочно соединенные друг с другом, еще совсем недавно были в состоянии войны и почему тогда он не использовал этого обстоятельства в своих целях.

Он мне ответил, что хорошо знал об осаде Севастополя. Ему было известно, что противники русских направляли в то время эмиссаров на Кавказ, но ни один из них не добрался ни до него самого, ни до одного из его соратников. Эти эмиссары оставались в районах черноморского побережья и поддерживали контакты с вождями тамошних горцев, на которых он, Шамиль, никогда не оказывал никакого влияния. Конечно же, наши эмиссары никогда не видели его, – заметил Монтебелло и добавил: – Уж не из осторожности ли по отношению к своим победителям Шамиль отговорился незнанием? [...]

Имам задавал мне различные вопросы относительно Абд-эль-Кадера⁵⁴ и о силах, которыми тот располагал. Что касается его самого, то он мне сказал, что одно время имел под ружьем до 50 тыс. человек. Хотя эта цифра за последнее время значительно уменьшилась, содержание 250-тысячной Кавказской армии, для которой в настоящее время поставляется 300 тыс. суточных порций продовольствия и фуража, все еще обходится России в 40 млн рублей (160 млн франков). Эти тяготы Россия будет нести еще в течение нескольких лет, так как, по всей вероятности, князь Барятинский подчинением горцев на западе будет стараться завершить умиротворение Кавказа, с чем отныне связано его имя. Император чрезвычайно высоко ценит его таланты, так же как и их дружбу, завязавшуюся еще в детские годы.

Как бы то ни было, Шамиль – это последний действительно грозный противник России в этих краях. Отныне и навсегда Россия держит в своих руках двери в Малую Азию. Она может бросить свою армию к границе между Турцией и Персией и свободно действовать на театре [военных действий] – там, где европейские армии не смогут до нее добраться”⁵⁵.

⁵² В данном случае французский посол ошибся. Чеченский язык отличен от языков других горских народов Северного Кавказа.

⁵³ Имеется в виду Наполеон III.

⁵⁴ Абд-эль-Кадер (Абд Аль-Кадир) (1808–1883) – вождь национально-освободительной, вооруженной борьбы (“священной войны”) алжирских племен против французских завоевателей, продолжавшейся полтора десятилетия (1832–1847 гг.), создатель независимого государства (эмирата) на территории Западного Алжира. Отряды Абд-эль-Кадера неоднократно одерживали победы над французскими войсками. В результате подавления восстания в 1847 г. он был взят в плен и отправлен во Францию, где содержался до 1852 г., а затем отпущен на свободу. Получив от правительства Наполеона III пожизненную пенсию, остаток жизни Абд-эль-Кадер провел на Ближнем Востоке, проживая по большей части в Дамаске.

⁵⁵ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1859, v. 219, fol. 290–292.

Герцог Монтебелло и в дальнейшем внимательно следил за развитием заключительной фазы Кавказской войны, после покорения Восточного Кавказа и пленения Шамиля переместившейся в западные районы, прилегающие к Черному морю.

Французский посол не сомневался, что в самом недалеком будущем Западный Кавказ разделит участь Восточного, т.е. перейдет под власть России. В своих донесениях в Париж он писал о новой тактике, применяемой русским военным командованием на Западном Кавказе, – о сочетании военных и мирных средств для убеждения племен, населяющих эту часть Кавказа, признать над собой власть “белого царя”. Инициатором и убежденным сторонником этой тактики Монтебелло считал князя Барятинского, чьи действия всецело одобрял.

“Некоторые высказывают убеждение, – отмечал он в депеше Валуевскому 29 декабря 1859 г., – что князь Барятинский всего лишь согласился предоставить этим народам уступки, упорно и неразумно отвергавшиеся императором Николаем, чтобы они покорились. Кроме того, утверждают, что престиж русского оружия не так высок на Западном Кавказе, как на Кавказе Восточном. Даже если это правда, то князь Барятинский – неважно, войной или переговорами – достиг немалых результатов, которых Россия тщетно добивалась на протяжении 30 лет, и надо быть благодарным ему за то, что он в отличие от других генералов не воевал тогда, когда надо было вести переговоры.

Между народами, только что покорившимися, и Черным морем все еще остается независимая территория, крайне труднодоступная, населенная воинственными племенами. Я склонен думать, что в отношении этих народов будут действовать более политическими, нежели силовыми средствами”⁵⁶.

Действительно, в своей политике на Северном Кавказе князь Барятинский все более активно прибегал там, где это было возможно, к политическим методам. 42 года почти непрерывных военных действий (с 1817 до 1859) понадобилось России, чтобы завоевать Восточный Кавказ, и только пять лет (1859–1864) – для покорения Западного. Символической датой окончания Кавказской войны стало взятие русскими войсками 21 мая 1864 г. черкесского аула в урочище Кбаада, в верховьях р. Мзымта, над Адлером (ныне – Красная Поляна).

Тогда же, в 1864 г., завершилась и посольская миссия Монтебелло в Петербурге. Но он еще успел стать свидетелем Великих реформ первой половины 1860-х годов, во многом изменивших привычный облик России.

* * *

В донесениях и записках, направлявшихся в министерство иностранных дел Франции, Монтебелло оставил интересные свидетельства о подготовке и осуществлении реформ александровского царствования. Поскольку эта тема уже получила подробное освещение в наших предыдущих публикациях⁵⁷, ограничимся здесь лишь некоторыми наиболее важными его оценками, относящимися к реформам Александра II.

Внимательно следя за подготовительной работой правительства по отмене крепостного права, французский посол фиксирует достаточно серьезное сопротивление намерениям реформаторов со стороны консервативного большинства поместного дворянства, рупором которого стало дворянство Московской губернии. Эту молчаливую оппозицию Монтебелло обнаруживал даже в мелких, на первый взгляд, деталях. Так, 23 сентября 1858 г. он сообщал в Париж о весьма прохладном приеме, оказанном императору московским дворянством во время высочайшего визита в первопрестоль-

⁵⁶ Ibid., fol. 400–401.

⁵⁷ См.: *Черкасов П.П.* Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863). По фондам Архива МИД Франции. – Россия и Франция. XVIII–XX века, вып. 8. М., 2008; *его же.* Политические реформы Александра II в донесениях и отчетах посольства Франции в Санкт-Петербурге. – Новая и новейшая история, 2010, № 3.

ную. Этой поездке предшествовал указ об освобождении удельных и государственных крестьян, которым были предоставлены личные и имущественные права.

“Император, – писал Монтебелло, – покинул Москву 2 сентября после недельного там пребывания по случаю годовщины своей коронации. Обратили внимание на то, что Их Императорские Величества остановились за городской чертой, в загородном доме, предоставленном в их распоряжение графом Шереметевым, вместо того чтобы проживать в Кремле. В этом выборе усмотрели проявление недовольства Императора неодобрительными настроениями московского дворянства по вопросу освобождения [крестьян]. На балу, который московское дворянство дало в честь Их Императорских Величеств, сами дворяне присутствовали в незначительном числе, а их холодное и сдержанное поведение резко контрастировало с энтузиазмом и приветственными возгласами [московских] торговцев и крепостных.

Подобного рода [неодобрительные] настроения выказывает не только московское дворянство. Они характерны для большинства дворян Империи, и они не боятся проявлять свои настроения всякий раз, как для этого представляется случай [...]

Такое положение вещей вызывает определенное брожение среди крепостных; в нескольких селах эмиссары, возможно, связанные с русскими демократами-эмигрантами, пытались подстрекать крестьян против их господ и провоцировать беспорядки. Собственники выражают беспокойство: будущее рисуется им в угрожающих тонах, и они не знают, как его избежать.

Император имел возможность лично оценить реальную ситуацию [в стране]. Говорят, он был поражен, но он не остановился в своем намерении реализовать план освобождения крестьян. Теперь, после того как император освободил удельных крестьян, он уже не может отступить”⁵⁸.

Монтебелло в своих донесениях неоднократно подчеркивал определяющую роль императора Александра в подготовке крестьянской реформы. Именно его решительность и последовательность позволила преодолеть все многочисленные препятствия на пути к освобождению крестьян. Исторический манифест был подписан 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину царствования Александра II, однако его обнародование было отложено до наступления Великого поста – 5 (17) марта.

В тот день Монтебелло отправил в Париж зашифрованную телеграмму следующего содержания: “Манифест Императора Александра, объявляющий освобождение крепостных крестьян, был зачитан во всех церквях Петербурга, в обстановке полного спокойствия и тишины. В городе царит абсолютный порядок”⁵⁹.

А уже на завтра, 18 марта, в депеше министру иностранных дел Франции Э. Тувенелю посол дал первую оценку исторического события, свидетелем которого ему довелось стать.

“Даже накануне, – писал он, – еще не знали, что обнародование этого важного решения произойдет так скоро. Это до некоторой степени объясняет ту удивительную безучастность, с которой оно было воспринято населением, чьи условия жизни оно столь глубоко изменило. Такую реакцию можно было бы объяснить особенностями [русского] национального характера, более вдумчивого, нежели расположенного к проявлениям энтузиазма, менее чувствительного к слову “свобода” и более озабоченного тем все еще неясным [для него] смыслом, который оно в себе содержит. Одним словом, я увидел перед собой народ непохожий на все другие, невосприимчивый к живым и скоропалительным впечатлениям, наглядный пример чего дают народы Запада; это народ странный и непонятный: он только на первый взгляд кажется равнодушным, за его молчанием – скрытые силы, и однажды мир узнает всю его своеобразную мощь.

Император лично объявил о только что подписанном им манифесте офицерам своей гвардии, собравшимся вокруг него после парада, и напомнил им о тех обязанностях, которые [манифест] накладывает на всех. Уже по выражению его лица мож-

⁵⁸ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1858, v. 217, fol. 141 recto – 143 verso.

⁵⁹ Ibid., 1861, v. 223, fol. 159. Монтебелло – Тувенелю, 12 часов 25 минут 17 марта 1861 г.

но было понять, что это – великий день. Несомненно, это самый великий день его царствования. Каковы бы ни были трудности, связанные с исполнением манифеста, последующие поколения, безусловно, поставят Императора в ряд государей, которые, радея о всеобщем благе, рассматривают славу лишь как второстепенное вознаграждение. Император заслуживает того, чтобы уже его поколение смогло предвосхитить суждение потомков, а Провидение благословило его правление”⁶⁰.

В дальнейшем Монтебелло продолжал внимательно следить за тем, как развивался процесс осуществления крестьянской реформы, какие новые препятствия встречала она на своем пути и какие неоднозначные последствия для России имело освобождение 22,5 млн вчерашних ревизских душ. Он и прежде высказывал убеждение, что отмена крепостного права – это первый шаг в масштабном реформировании Российской империи, задуманном императором Александром. По случаю второй годовщины издания манифеста 19 февраля посол Франции подвел предварительный итог реализации крестьянской реформы, позволившей царю-освободителю приступить к осуществлению других задуманных им широкомасштабных преобразований.

“Сегодня, господин министр, – писал 10 марта 1863 г. Монтебелло в донесении министру иностранных дел Франции Э. Друэн де Люису, – можно считать свершившимся фактом великое дело освобождения крепостных, обязанное своим успехом инициативе и настойчивости императора Александра. Одно это составит славу его царствования. Сегодня на всем пространстве империи крестьяне свободны, имеют собственность и управляются избираемыми ими собраниями. Никогда еще столь смелое предприятие не осуществлялось в столь огромных масштабах, и его успех превзошел все ожидания. Сопротивление на местах, на которое наталкивалась благодетельная воля императора, оказалось намного слабее, чем предполагали, и повсеместно эта воля без труда побеждала. Высказывались опасения, что 19 февраля с.г., по случаю второй годовщины обретения крестьянами свободы, могут иметь место какие-то волнения. На сегодняшний день из глубин [империи] не поступало никаких сообщений, которые могли бы подтвердить обоснованность подобных опасений, и это говорит само за себя...

Освобождение крепостных было необходимой отправной точкой масштабных преобразований в устройстве империи. Император Александр не отступил перед решением этой задачи. Были приняты основополагающие принципы [этого] нового правового устройства... Реализация этих принципов осуществляется безостановочно. Проект, относящийся к провинциальным учреждениям, уже подготовлен; одновременно ведется работа по организации нового муниципального устройства (т.е. земства. – П. Ч.) на всей территории империи. Готовится крупная реформа финансовой системы. Водочный откуп начиная с 1 января с.г. был заменен акцизным сбором, и уже полученные результаты дают основание предвидеть возрастание доходов [казны] вместо привычного дефицита, ожидавшегося, по меньшей мере, в этом году.

Таков, господин министр, самый общий итог реформ, предпринятых императором Александром. Они обещают его огромной империи результаты, превосходящие [по значению] последствия всех завоеваний, и будут способствовать возрастанию ее мощи и процветания”⁶¹.

Монтебелло успел застать и начало проведения реформы местного и городского самоуправления (земской реформы). Он сумел точно обозначить цель и смысл создававшихся повсеместно в России земских учреждений. В одной из депеш в Париж, посол отмечал: “Думаю, можно с полной уверенностью утверждать, что, по замыслу императора Александра, они должны стать фундаментом, на который будет опираться система более широкого участия [населения] страны в решении собственных проблем”⁶².

⁶⁰ Ibid., fol. 161–162.

⁶¹ Ibid., 1863, v. 230, fol. 180 verso – 182 recto.

⁶² Ibid., v. 231, fol. 194. Монтебелло – Друэн де Люису, 18 июля 1863 г.

Когда правительство Александра II в ноябре 1864 г. приступило к реформированию судебной системы, венцом которой стало введение независимого суда присяжных, герцог де Монтебелло уже покинул Россию. Его посольская миссия завершилась в конце 1863 г. Тем не менее герцог сумел по достоинству оценить проект судебной реформы, подготовленный еще в 1861 г., но долго “путешествовавший” в лабиринте неповоротливой бюрократической машины Российской империи.

Осенью 1862 г. Монтебелло получил возможность ознакомиться с правительственным проектом новых судебных уставов, и дал предварительную оценку предстоявшей судебной реформы в депеше Друэн де Люису от 20 октября: “Император Александр не мог бы совершить более патриотического деяния; оно поставит его в глазах всего мира и собственной страны выше его отца, который признавал только права короны, не оставляя своему народу возможности улучшить жизнь; оно поставит его и выше Александра I, лишь мечтавшего о том, что осуществляется сегодня. Его Величество желает, чтобы новый порядок вещей установился до 15 января [1863 г.], и есть все основания надеяться и даже утверждать, что 1863 г. завершится введением в действие новой судебной организации”⁶³.

Нужно знать Россию, чтобы в полной мере оценить те гигантские шаги, которые она может проделать на открывающемся перед ней пути; в ближайшем будущем – это установление преобладающего влияния гражданского порядка над военным, до сих пор доминировавшим и державшим нацию в обруче жесткой дисциплины... Независимость и активность сознания придут на смену административной косности.

Ни один человек [в России] до сих пор не видел перед собой перспективы независимой карьеры. При общей численности населения 70 млн только от 200 до 250 тыс. человек живут здесь европейской жизнью, но и они были обречены лишь на то, чтобы выполнять какие-либо функции при дворе или в армии. Эти обязанности им скорее навязываются, нежели выбираются ими по доброй воле. Никто не может отличиться иначе, чем через [высочайшую] благосклонность, которая редко награждает истинные заслуги и достоинства...

Я не утверждаю, что сегодня все должно измениться, но все может измениться. Создаются условия, когда люди смогут формировать себя сами, если они имеют к этому способности и устремления. Молодежь, думающая о гражданской карьере, обнаруживает желание к образованию, которое она считает для этого необходимым. Мечта многих молодых людей из самых знатных и древних фамилий – сделать карьеру на адвокатском поприще.

Предоставляя своему народу слово в области правосудия, император Александр создает ему основополагающие условия для развития общественного сознания и возвышения людей. Он открывает новое поле деятельности перед славянским сознанием, и только будущее покажет, сумеет ли Россия, которая возвысилась в условиях рабства и деспотизма, в отличие от других ей подобных сохранить свою силу в условиях свободы и стать наконец полезной миру в той же степени, в какой она была для него опасной”⁶⁴.

* * *

На исходе 1861 г. Киселев проинформировал Горчакова о возможном отзыве Монтебелло из России. На вероятность этого Киселеву намекнул сам Монтебелло, находившийся в то время в отпуске во Франции. В частном разговоре, состоявшемся между ними, Монтебелло поинтересовался мнением Киселева насчет того, много ли в Париже найдется желающих заменить его на посольском посту в Петербурге. “Я ему ответил, – докладывал Киселев Горчакову 2 (14) декабря 1861 г., – что в Париже,

⁶³ В действительности судебная реформа, утвержденная Александром II в ноябре 1864 г., начала реализовываться лишь с 1866 г., когда были окончательно сформированы все органы новой судебной власти.

⁶⁴ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1862, v. 229, fol. 52 verso – 54.

вероятно, такие люди есть, но что в Петербурге... искренне желали бы по-прежнему видеть там господина герцога де Монтебелло”⁶⁵.

В тот раз слух о замене Монтебелло не подтвердился, но сам факт его появления был не случаен. К началу 60-х годов в Петербурге вынуждены были констатировать, что русско-французское сближение, начавшееся на Парижском конгрессе 1856 г., по-видимому, исчерпало свои ресурсы, не оправдав возлагавшихся на него надежд. Обещания Наполеона III содействовать пересмотру Парижского мирного договора так и остались обещаниями. Между тем Россия, верная договоренностям, зафиксированным в секретном договоре от 3 марта 1859 г., сделала все возможное для оказания Франции поддержки в северной Италии против Австрии. В 1860 г. Россия – единственная из великих держав – оказала Франции дипломатическую поддержку в ходе урегулирования положения в Сирии, куда были введены французские войска.

Всю эту реальную помощь Париж должным образом не оценил. Император Наполеон под разными предлогами уклонялся от своих неоднократных обещаний посодействовать России в отмене дискриминационных условий Парижского мира. В конце концов Александр II и его министр иностранных дел вынуждены были пересмотреть свое отношение к неблагодарному союзнику. Искренние старания Монтебелло сгладить трения, появившиеся в русско-французских отношениях, успеха не имели, так как не находили поддержки на Кэ д’Орсе.

Ко всему прочему на рубеже 1861–1862 гг. в двусторонние отношения вмешался давний, еще со времен Петра I и Людовика XIV раздражитель – злополучный польский вопрос. С конца 1861 г. в Польше нарастало брожение, вылившееся в январе 1863 г. в вооруженное восстание. Польша в очередной раз стала камнем преткновения в отношениях России и Франции.

Правительство Наполеона III, считавшееся с устойчивыми полонофильскими настроениями во французском обществе, с самого начала восстания 1863 г. выступило в защиту “угнетенной Польши”, потребовав от России остановить там кровопролитие. Более того, тюильрийский кабинет выдвинул проект возрождения независимой Польши и предложил созвать конференцию европейских держав – участниц Венского конгресса 1815 г. для обсуждения польского вопроса⁶⁶. Позиция Франции была воспринята в Петербурге как откровенно недружественная.

В такой обстановке положение герцога де Монтебелло в Петербурге становилось весьма щекотливым. На протяжении пяти с лишним лет он делал все от него зависящее для укрепления франко-русского соглашения, и теперь оно рассеивалось на его глазах, как мираж. При этом, как уже отмечалось, его старания не находили поддержки ни на Кэ д’Орсе, ни в Тюильри. Монтебелло не оставалось ничего другого, как только продолжать уверять Александра II и князя Горчакова в искреннем желании императора французов развивать франко-русское сотрудничество, следуя договоренностям, достигнутым в Штутгарте в сентябре 1857 г.

Одновременно он внимательно отслеживал борьбу группировок в окружении царя по польскому вопросу, констатируя падение влияния либералов во главе с великим князем Константином Николаевичем. Именно на него, наместника в Царстве Польском, консервативная партия возлагала ответственность за восстание поляков, став-

⁶⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1861 г., д. 122, л. 350об. – 351.

⁶⁶ Польская эмиграция во Франции приветствовала эту инициативу французского правительства. В письме одного из лидеров польских эмигрантов, князя Владислава Чарторыйского министру иностранных дел Франции Друэн де Люису от 23 сентября 1863 г. по этому поводу говорилось: “Благодаря инициативе французского правительства голос Польши, борющейся за свободу и независимость, был услышан европейскими правительствами”. Любопытно, что министр посчитал необходимым переслать Монтебелло копию этого письма. – AAE, Correspondance politique, Russie, 1863, v. 232, fol. 145–146 verso.

шее возможным вследствие недопустимой слабости, проявленной великим князем в Польше⁶⁷.

Наконец, как сообщал Монтебелло Друэн де Люису 4 сентября 1863 г., противникам великого князя удалось добиться его отставки с поста наместника в Польше, где было покончено с либеральными экспериментами⁶⁸.

По ходу подавления польского восстания выяснилось, что в нем принимают участие и французские волонтеры. Некоторые из них были взяты русской армией в плен. Монтебелло информировал Париж о таких ставших ему известными фактах и попытался через обращения к князю Горчакову облегчить участь своих несчастных соотечественников⁶⁹. Объяснения с русским министром на эту тему были не самыми приятными для французского посла, но он неизменно следовал долгу – отстаивал позицию своего правительства и интересы сограждан, попавших в затруднительное положение.

В мае 1863 г., в разгар восстания в Польше, в Петербурге распространились слухи о возможности военного выступления европейских держав на стороне восставших поляков. Обстановка в самой России в то время была напряженной. В поволжских губерниях и в ряде других районов империи не утихали крестьянские волнения, вызванные реализацией Манифеста 19 февраля 1861 г. В связи с этим Монтебелло направил в министерство иностранных дел Франции свой анализ внутреннего положения России, из которого следовало: вооруженные выступления крестьян, безусловно, оживили активность “революционной партии”, но это не может подорвать единство страны, так как его важнейшим гарантом служит армия, готовая до конца “исполнить свой долг”. “Ваше превосходительство может быть уверен, – подчеркивал Монтебелло в депеше Друэн де Люису, – что в случае войны все классы в России объединятся в едином чувстве патриотизма”⁷⁰.

* * *

Трудно сказать, сколь долго Наполеон III еще сохранял бы герцога де Монтебелло на посту посла в Петербурге. Впервые император французов задумался над его заменой после неожиданной отставки в мае 1862 г. русского посла в Париже, с которым у Наполеона сложились самые теплые отношения. Решение Александра II отозвать графа П.Д. Киселева, прислав ему на смену барона А.Ф. Будберга, дипломата школы графа К.В. Нессельроде, всегда относившегося к Франции с недоверием, было воспринято в Тюильри как сигнал к понижению уровня двусторонних отношений, утративших за последние два года доверительный характер.

Нахождение Монтебелло при дворе Александра II после отзыва Киселева создавало впечатление о прежней близости двух императоров, а Наполеон явно не хотел выглядеть инициатором уже начавшегося де-факто “развода”. Он все еще пытался использовать “особые отношения” с Россией в своей дипломатической игре в Европе. В то же время соображения, связанные с необходимостью “сохранить лицо”, диктовали ему решение заменить посла в Петербурге. Выход из затруднительной ситуации неожиданно нашелся сам собой.

На исходе лета 1863 г. резко ухудшилось состояние здоровья герцогини де Монтебелло, тяжело переносившей петербургский климат. 5 сентября посол отправил министру иностранных дел телеграмму с просьбой о срочном предоставлении ему отпуска для отъезда во Францию с больной женой⁷¹. Обычно такого рода просьбы рас-

⁶⁷ См. депешу Монтебелло в министерство иностранных дел Франции от 18 июля 1863 г. – AAE, Correspondance politique, Russie, 1863, v. 231, fol. 192–202.

⁶⁸ Ibid., v. 232, fol. 98–101.

⁶⁹ См., например, его депешу от 18 мая 1863 г. – AAE, Correspondance politique, Russie, 1863, v. 231, fol. 64–71.

⁷⁰ Ibid., fol. 85 verso – 86.

⁷¹ Ibid., v. 232, fol. 102.

смаатривались неспешно, проходя согласование между Кэ д'Орсе и Тюильри. На этот раз вопрос решился моментально. Уже 9 сентября Монтебелло получил по телеграфу извещение о согласии Наполеона предоставить ему бессрочный отпуск – на все то время, которое потребуется для выздоровления его супруги⁷². Тем самым создавалось впечатление, что посол не отзывается, а отправляется в отпуск. Такой вариант устраивал обе стороны – и Париж, и Петербург.

20 сентября 1863 г. герцог де Монтебелло направился в Царское Село, где император Александр дал ему отпускную аудиенцию⁷³. После соблюдения необходимых формальностей между ними состоялся доверительный разговор двух давних друзей. Царь выразил искреннюю озабоченность состоянием здоровья герцогини, а также надежду, что болезнь удастся победить. Перейдя к политическим вопросам, император и французский посол заговорили о самом злободневном – о Польше. Монтебелло призывал царя к сдержанности и милосердию в отношении поляков, а Александр заверил посла в своих добрых намерениях в Польше, которая в любом случае останется в составе Российской империи. В завершение беседы император сказал, что надеется на скорейшее возвращение Монтебелло в Петербург.

Между тем Монтебелло пришлось задержаться здесь почти на месяц. Состояние здоровья его жены ухудшалось с каждым днем. Доктора говорили, что герцогиня не перенесет продолжительного путешествия через всю Европу.

14 октября 1863 г. Элеонора де Монтебелло скончалась в Петербурге в возрасте 53 лет. Убитый горем герцог отправился на родину сопровождать тело супруги, с которой они прожили душа в душу почти 33 года. Посол еще не знал, что в Петербург он больше не вернется. Временное руководство французской дипломатической миссией было возложено на советника посольства графа де Массиньяка.

В Париже Монтебелло был принят министром иностранных дел и императором Наполеоном. Ему посочувствовали в постигшем его горе и объявили, что он может не спешить с возвращением в Россию.

Отпуск посла затянулся более чем на год. И вдруг, неожиданно для всех 5 октября 1864 г. Наполеон III подписал декрет, по которому герцог де Монтебелло был введен в Сенат. Вместе с тем, что удивило многих, за ним был сохранен его посольский пост в Петербурге⁷⁴. Подобное решение нельзя было воспринять иначе, как свидетельство похолодания во франко-русских отношениях.

Работа в Сенате не была обременительной для Монтебелло. В перерывах между сессиями верхней палаты он активно участвовал в общественной жизни департамента Марна, где у него были обширные виноградники и где его избрали вице-президентом департаментского генерального совета.

Здесь, в своем замке Марёль-сюр-Э, 18 июля 1874 г. бывший посол в России, герцог де Монтебелло скончался на 73-м году жизни.

Шестилетняя посольская миссия Монтебелло в России, составившая один из наиболее ярких эпизодов в его дипломатической карьере, пришлась на переломный период в отношениях между Францией и Россией – от сближения второй половины 1850-х годов к охлаждению в начале 1860-х. При этом возникшее у Александра II недоверие к Наполеону III не отразилось на личном отношении царя к французскому послу в Петербурге, которому он искренне симпатизировал. В 1864 г., уже после отъезда Монтебелло из России, император Александр отметил герцога высшим знаком отличия Российской империи – орденом св. Андрея Первозванного. Этой чести удостоивались немногие из иностранных послов.

⁷² Ibid., fol. 103.

⁷³ Ibid., fol. 133–137. Деша Монтебелло от 21 сентября 1863 г.

⁷⁴ От посольских функций Монтебелло был освобожден только в январе 1866 г. В Сенате он заседал вплоть до падения Второй империи в сентябре 1870 г.